

Деграданс

(Продолжение. Начало см. в «НГ» от 16 декабря).

Часть 2. КВАДРИГА ПОНЕСЛА...

«РЕВОЛЮЦИЯ, о которой так упорно твердили... — свершилась! Ура!» О нет, господа. Жестко ошибается тот, кто считает, что с устранением постов главного дирижера и главного балетмейстера наступит эпоха процветания Большого. Верхи не могут,

и не менее важна — оперная половина, которая так же далека была от процветания и в эпоху Лазарева, да и сейчас просвета не видно.

Часть 3. КТО ВОЙДЕТ В ГОРЯЩУЮ ИЗБУ

Многие журналисты сейчас пишут о подробностях конфликта в Большом, упирая на слишком большие требования артистов, жадных до гонораров, на недостатки контрактной системы. Но существование музыкальных театров в России, того же Марининского, требует не только больших материальных затрат, но и качественных структурных изменений. Даже в благополучном Марининском терпит пора-

зителей, — платчевный. Можно упорствовать и говорить о том, что русская культура остается для всех западных театралных деятелей «terra incognita». Ерунда: да Жерар Мортье и за год сможет сделать из Большого такой театр, которым будет весь мир восхищаться. А тогда мы и Доминго в Москве «обсуждаем». Пусть поручен будет русский репертуар русскому дирижеру: пригласят Бычкова из Парижа, Борейко из Польши, да хоть Светланова. Раз уж так не доверяем мы иностранцам нашу культуру.

Конечно, если Владимир Кокочин так любезен сердцу первых лиц страны, то он вполне годится на

ПОСЛЕДНИЙ РАРИТЕТ

Куда несутся кони Клодта?

Независимая газ. — 1994 — 20 дек. — с.4

низмы не хотят, как нас учили в школе. Историческая предопределенность падения цитадели социалистического реализма — Большого театра — факт очевидный. И появилась она не в момент, когда своим указом президент подставил подножку квадриге Аполлона. Все начиналось значительно раньше, когда кони были спрятаны в богато отделенной конюшне за железным занавесом. Когда на смегу дворянству и интеллигенции в театр пришли тверские крестьяне и возвращенные в крестнических печках эмигранты. Большой всегда ориентировался на звезду, а все остальное было неважно. И когда они хлынули за кордон, потому что не могли больше существовать в плохом театре, театр и остался у разбитого корыта: плохой кордебалет, плохой хор, а теперь и плохой оркестр. Отсутствие современных дирижеровских, а главное — театр же! — режиссерских концепций.

От года к году спектакли становились все хуже, театральные споры превратились в закулисные дразги, которыми Большой одаривал жадных до сенсаций репортеров чуть ли не каждый месяц. Зритель ушел из театра, уступив места посетителям магазинов и ночных клубов, вездесущему интуристу. А театр объявлял национальным достоянием. Первым почувствовала опасность генеральный директор Большого Владимир Кокочин. И принес в жертву двух членов перушиного, как казалось, триумvirата Кокочин — Григорович — Лазарев. Их все ругают за плохие спектакли, почему бы их не заменить? А ведь раньше «Гу» Кокочину казалось, что неблагоприятная обстановка в Большом есть плод большого воображения кучки критиков. Но ожесточенное сопротивление артистов, и особенно балетной труппы, похоже, было сюрпризом даже для него. Однако помимо революционной балетной труппы в театре есть

железные идеи качественных постановок силами одной узаконенной труппы. Только введение контрактной системы западного типа позволит Большому выйти из полосы кризиса. Конечно, протестуют солисты, большинство из которых надо просто увольнять за профнепригодность. Вероятно, нам необходима и новая репертуарная политика, которая на первых порах будет основываться на серии спектаклей, идущих подряд, как это делается в большинстве театров мира. Каждый раз новая постановочная группа, солисты будут работать над спектаклем, что позволит наконец выйти из адского круга бесконечных постановок Лазарева, Покропского, Лементаля, Григоровича. На первое время к нам вряд ли заглянут Аббадо, Бонди, Доминго. Но многие театры выпускают великолепные спектакли и без них. Без появления в театре зарубежных дирижеров, режиссеров, артистов, возвращенных в Россию лучших отечественных мастеров нам все равно не увидеть Большой возрожденным. С разнообразным репертуаром, отражающим все многообразие мировых интересов в музыке и театре, со спектаклями на том художественном уровне, о котором мы все мечтаем. И здесь не поможет никакая артистическая колегия. Пора уяснить, что на посту руководителя такого театра, как Большой, должен находиться художник, а не администратор. Человек, обладающий широтой кругозора, понимающий и чувствующий все изменения в оперном и балетном искусстве, которое сейчас на Западе превосходит по популярности даже драматические театры. В первую очередь, благодаря тому, что музыкальный театр стал действительно театром. Хороший пример можно найти в Вене, где с уходом Аббадо Штаатсoper возглавил директор императорской кофотры. Результат, по свидетельству многих критиков и

должность интенданта, занимающегося вопросами распределения финансов и другими техническими подробностями. Вариантов много, но все опять упирается в деньги. И если мы хотим в нашей стране, где музыкальная культура оказалась потерпевшей даже для интеллигенции, иметь хотя бы один стоящий театр, в котором можно будет смотреть и слушать действительно хорошие спектакли, то разве не стоит пойти на определенные жертвы? Закрывать какие-то театры, больше субсидий выделять обновленному Большому. Жестко, конечно, но пока мы не будем предлагать гонорары в размерах, максимально приближенных к западным, а солистов и репертуар подбирать в соответствии с личными симпатиями заведующих балетной и оперной трупп, лучшие солисты будут уезжать за кордон.

Вряд ли мы сможем сразу предлагать гонорары на уровне «Метрополитен-Опера», но ведь в Европе сейчас появилась просто куча театров, которые и за меньшие суммы умудряются создавать интересные спектакли, достойные для сегодняшнего. И спонсорская поддержка, без которой сейчас никто не обходится, должна более разумно использоваться. Мировой музыкальный рынок предлагает сейчас неслыханное количество талантливых музыкантов всех возрастов. Думаю, что кое-кому захочется стать счастливыми первооткрывателями сезона в возрожденном Большом театре. И если у нас опять не хватит смелости совершить революцию до конца, ограничившись лишь устранением отдельных приверженцев умирающей театральной старины, то через пару лет уже нечего будет спасать. Квадрига проклятого изысканного искусства рухнет в бездну, а «изба», которую она венчала, сгорит дотла. Жаль выдающихся творений Бове и Клодта!